

ПОЛИНА
Ракипина

БЫВШИЕ (НЕ) ВОЗМОЖНО

С О В Р Е М Е Н Н Ы Й
Л Ю Б О В Н Ы Й Р О М А Н

Люблю

Полина Ракитина

Бывшие. (Не) возможно люблю

«Литнет»

2025

Ракитина П.

Бывшие. (Не) возможно люблю / П. Ракитина — «Литнет», 2025

– Я думала, ты сделаешь мне предложение... Я надеялась на это! – Я этого и хотел... Но... – Но там, за столом, при всех... ты сделал его другой. Как?! Скажи?! – Алина, тебе лучше уйти, – резко обрывает он. Мы скрещиваем взгляды — жадные, полные боли. – Да, – выдыхаю я. – Мне просто не стоило приходить. Удачи, Марк... Я ждала предложение от любимого. Но он выбрал другую. Мы расстались. Нет, меня же просто кинули. А спустя годы я снова встретила его... сломанного и прикованного к инвалидной коляске.♥#Когда прошлое само стучится в твои двери, готовься к встрече, которая изменит всё. Любовь, боль и шанс на второе дыханиеПроды: Вт. Чт. Сб, Вс.

© Ракитина П., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Алина	7
Глава 2. Алина	9
Глава 3. Алина	11
Глава 4. Алина	13
Глава 5. Алина	15
Глава 6. Алина	17
Глава 7. Алина	19
Глава 8. Алина	21
Глава 9. Алина	23
Глава 10. Алина	25
Глава 11. Алина	27
Глава 12. Алина	29
Глава 13. Алина	31
Глава 14. Алина	33
Глава 15. Марк	36
Глава 16. Марк	38
Глава 17. Марк	41
Глава 18. Алина	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Пролог

БЫВШИЕ. (НЕ) ВОЗМОЖНО ЛЮБЛЮ

АННОТАЦИЯ:

— Я думала, ты сделаешь мне предложение... Я надеялась на это!
— Я этого и хотел... Но...
— Но там, за столом, при всех... ты сделал его другой. Как?! Скажи?!
— Алина, тебе лучше уйти, — резко обрывает он.
Мы скрещиваем взгляды — жадные, полные боли.
— Да, — выдыхаю я. — Мне просто не стоило приходить. Удачи, Марк...

Я ждала предложение от любимого. Но он выбрал другую.
Мы расстались. Нет, меня же просто кинули.
А спустя годы я снова встретила его... сломанного и прикованного к инвалидной коляске.

♥#Когда прошлое само стучится в твои двери, готовься к встрече, которая изменит всё.
Любовь, боль и шанс на второе дыхание

Пролог

— Приходи сегодня, — Марк наклоняется к самому уху, и от его голоса у меня пробегают сладкие мурашки.

— Зачем? — игриво тяну, делаю вид, что не понимаю.

Но я знаю зачем. Сегодня же его мать устраивает вечеринку — диплом у её сына. Сын — гордость, опора, всё как положено. Марк Анатольевич Верисов — адвокат.

— Хочу, чтобы ты была рядом, — он смотрит так, что у меня дыхание застревает в горле. — Придёшь?

Смотрит пристально. Пытается прочесть мои мысли.

Меня мягко, но крепко прижали к стенке.

— Ок!..

Его лицо начинает светиться.

— А как мне одеться для... , — играю лицом, подбираю тщательно слово под его пытливым взглядом. — Королевы? — так я зову его мать.

Она не то что не одобряет меня. Она ненавидит. Дочь торговца стройматериалами, которая посмела влюбиться в её золотого мальчика и питает надежды о свадьбе. Ммм...

— Ты — моя Королева! И как хочешь, так и одевайся, — оглядывает взглядом мою спецовку. — Для меня ты и так прекрасна. Тебе идет, — подмигивает.

— Боже... — закатываю глаза, пытаюсь спрятать свой щенячий восторг. — Ты такой сегодня милый. С чего бы это? Где подвох? Что меня ждет?

— А вот приди — и узнаешь, — Марк хитро щурится.

Сердце сразу бьёт тревогу. Подвох есть. И какой-то слишком серьёзный.

— Мне пора, — он касается губами моих губ. Я едва удерживаюсь, чтобы не вцепиться в него руками и не утащить в подсобку с инструментами.

— Ну и любовь! — раздаётся неподалёку скрипучий голос деда Дмитрухина, нашего вечного ворчуна. — А гвозди у вас тоже с поцелуями продаются?

Марк улыбается уголком рта. Нас застукали за горяченьким.

— Иван Сергеевич, будете приставать — накажу. За домогательства к моей... жене, — он делает паузу, будто специально дразнит.

Жене??? Меня ударяет молнией. КАК!

Внутри всё взрывается поочередными фейерверками.

Значит... вот оно. Он зовёт меня сегодня, чтобы... провожаю шокированным взглядом Марка. А я собиралась джинсы надеть. Платье! Нужно срочно найти платье...

— Алька! — голос Дмитрухина снова прорывается в мои грёзы. — Девка, ты чё творишь? Зачем шурупы суешь? Мне гвозди нужны! Гвоздiiiiii! Крыша течет не только у меня дома, но у тебя от этого... мажора... Ох, поматросит он тебя и бросит. Они эти Вересовы ... таких...

Я заливаюсь смехом, но руки дрожат. А в голове только одно: если он сегодня подарит мне кольцо — мир перестанет существовать. Все просто перестанет существовать.

*Мои читающие милые кошечки, первая любовь не умирает — даже спустя годы.
«Бывшие.(Не)возможно люблю» это история о том, как сильные чувства возвращают к жизни. Ставьте звездочку и добавляйте книгу в библиотеку — главы выходят регулярно!*

За комментарии отдельное спасибо!

Приятного чтения!

Глава 1. Алина

Дорогие мои звездочки, пора уже поставить настоящую звездочку, чтобы моя новинка попала в топ-затмение историй о любви нашего Литнет:)))

Глава 1. Алина

Утро. Прохладный осенний воздух, ещё влажный от ночного дождя, пахнет мокрой листвой и чуть горьковатой землёй. Я бегу по привычному маршруту — мимо парка, вдоль улицы с аккуратными частными домами. Я знаю здесь каждую трещину на тротуаре, каждый куст и дерево, словно они живут со мной одной жизнью. Всё моё, знакомое, родное.

Ровное дыхание, стук кроссовок по асфальту — всё это обычно действует на меня как успокоительное. Но сегодня не отпускает ощущение, что утро странное. Словно сон, что приснился ночью, оставил в воздухе мутное послевкусие. Серый, тяжёлый, как старая плёнка, в которой кадры едва различимы, но настроение тревоги всё равно въедается под кожу.

«Алина, ты уже как твоя мать», — думаю я и усмехаюсь сквозь дыхание. Она ведь снова вчера начала со своими кружками.

— В Китай ты не поедешь, — сказала, разглядывая мой кофе. — Зря билеты купила. Лучше сдай. А прошлое своё — встречай.

Каково это звучало? Словно приговор.

— Мам, да хватит уже. — Я тогда отмахнулась. — Поеду, и всё. Это всего на год. Ты меня не остановишь.

Мама посмотрела на меня своим усталым, исподлобья взглядом, пожала плечами:
— Ну-ну. Как хочешь. Только деньги зря потратила. Не поедешь никуда.

После инсульта у неё речь ломкая, с паузами, но в эти её «кружечные предсказания» я стараюсь не верить. Хотя каждый раз мурашки бегут по спине, когда она произносит вот так, уверенно.

— Ну и намаялась ты с ним, — добавила она тогда в никуда.

Я остановилась с ложкой в руках.
— С кем? Мам?

Она отвернулась, поправила платок на плечах.
— А сама узнаешь.

Честно, иногда кажется, что у неё не инсульт, а ясновидение. И от этого не легче.
— Лучше бы кроссовки новые купила, — буркнула на прощание. — Споткнёшься же...

Я только закатила глаза. И вот теперь, бежа, вспоминаю этот разговор и думаю: может, правда ей витамины нужны? Или невролога поменять?

Шаг. Шаг. Дыхание сбивается.
И вдруг — взгляд сам поднимается.

И я вижу.

У ворот самого высокого дома в нашем районе стоят машины. Чёрные, блестящие, чужие. Не просто машины — фургоны, такие, что обычно появляются только на экранах телевизора. Их раньше здесь не было.

Я притормаживаю.
Сердце срывается с привычного ритма и начинает биться где-то в горле.

Этот дом.
Дом семьи Марка.

Имя вылетает, как стрела.
Марк.

Сколько лет я пыталась вытравить его из себя. Сколько ночей убеждала себя: он — чужой, он — предатель, он — прошлое. И всё равно внутри отзывается болью. Сколько бы времени ни прошло, дом Марка всегда будет для меня как незажившая рана.

Я сжимаю кулаки. Нельзя. Нельзя позволять этому имени возвращать меня в то, что я похоронила.

Но ноги будто приросли к асфальту. Я смотрю.

Чужие люди у ворот переговариваются, открывают створки. Кто-то выходит, кто-то заходит. Суeta. Движение. Словно что-то важное происходит прямо сейчас.

Я стою и пялюсь, как последняя дура.

— Быстрее, Алина! — мысленно одёргиваю себя. — Дальше. Беги. Нечего тебе тут глазеть.

Делаю шаг в сторону, прячусь за дерево. Сердце колотится, ладони влажные.
 Я не хочу, чтобы меня заметили. Не хочу, чтобы прошлое встретилось со мной вот так, на бегу, без предупреждения.

И я делаю рывок.

Ноги сами несут вперёд с бешеной скоростью. Музыка в наушниках глушит всё вокруг, но я не слышу её. Внутри звенит только одно:

Неужели... он здесь?

Глава 2. Алина

Глава 2. Алина

Домой я влетаю на автопилоте — вся мокрая, дыхание сбившееся, щеки горят, будто их обожгло ветром. На висках пульсирует кровь, и кажется, будто я пробежала не привычные пять километров, а марафон.

Сбиваю кроссовки у самой двери так, что они гулко шлёпают об стену. Тянусь за стаканом воды, но пальцы дрожат так сильно, что брызги разлетаются по столу.

Мама и отец отрываются от своих дел. Смотрят на меня — слишком пристально.

— За тобой что, черт гнался? — шипит мама, шурясь.

От её слов пробегают холодная дрожь. Я молча отворачиваюсь, делаю жадный глоток воды. Горло всё равно пересохшее.

— Ну наконец-то, марафонщица, — тяжело вздыхает отец. Очки сползают на кончик носа, он приподнимает их и смотрит поверх линз. — Слыхала новость?

— Что опять? — стараюсь говорить спокойно, но голос всё равно срывается.

— Мать Марка умерла, — сообщает мама сухим тоном диктора вечерних новостей.

Вода чуть не пошла не в то горло. Я сглатываю, но в груди будто что-то застряло.

Нет. Спокойно, Алина. Ты же взрослая. Это не собьёт тебя.

— И? — выдавливаю, делая вид, что речь идёт о ком-то чужом.

— Как это «и»? — отец хлопает газетой по столу так, что я вздрагиваю. — Уже по всем местным каналам прошла новость. — Вечно всё у них с пафосом! Ведьма та ещё... Вот и сдулась!

— Карма, — добавляет мама, перекатывая слово на языке, словно оно ей сладко. — Семейка слишком много на себя брала. Вот и расплата пришла.

У меня по коже мурашки от их слов. Как будто они колдуют вслух.

Фыркаю:

— Их проблемы. Нам-то что?

Но в груди неприятно сжимается. Имя «Марк» ударило слишком громко, эхом в самое сердце. Черные машины у их ворот... Так вот что это было.

— Я всегда говорил, — продолжает отец, — нельзя бросать хорошую девочку и бежать за...

— Папа! — резко обрываю его. Голос дрожит. Он знает, что я не обсуждаю это.

— А что? — он криво усмехается. — Не я тебя бросал. Вот теперь и получайте.

Сжимаю губы в тонкую линию.

— Всё, хватит, — отрезаю и разворачиваюсь к лестнице.

Поднимаясь, спотыкаюсь больной ногой. Пробежка дала о себе знать.

— Чёрт, — вскрикиваю, хватаясь за перила.

— А оно вот и о торопится, — бормочет мама, глядя на мои ноги. — Ты бегаешь-бегаешь, а он уже полгода как...

— Рай, — голосом, полным предупреждения, останавливает её отец.

Я замираю.

— О чём это ты? — резко оборачиваюсь.

Отец поджигает губы, но мама делает вид, что не слышит его запрета.

— Марк-то твой... первая любовь... теперь колясочник, — выпаливает она почти с удовольствием.

Мир перед глазами чуть плывёт.

— Что? — в груди всё рушится.

— Разбился, — сухо добавляет отец, будто выстреливает словами. — На курорте, с женой. Он — хребет сломал, а она хоть бы что. Целехонькая. Даже не царапины.

Я не верю. Не хочу верить.

— Но хоть жив... — глухо проговариваю.

— Жив-то жив, — фыркает отец. — Только мужик в расцвете сил, а теперь за ним как за ребёнком ухаживать. И всё это ваши горы! Курорты... Вот и доигрались.

Он резко встаёт.

— Мне в магазин пора. Ты вечером придёшь?

— Приду... — шепчу, всё ещё не понимая, как переварить услышанное.

— И правильно. Тебе надо отсюда выбираться, Алинка. Умная ты у меня. Талантливая.

— Он бурчит это уже себе под нос и уходит.

Мама всё ещё стоит, уставившись в меня. В её взгляде что-то тревожное, слишком тяжёлое.

— А ты не переживай, — говорит она странно мягко. — Любишь, вот и люби. А мать его короткой жизни заслужила.

— Мама! — почти кричу. — Хватит уже. Ты меня пугаешь. Ты лекарства пила? Может, к доктору пойдём?

Я осторожно провожу рукой по её волосам. Они совсем побелели — будто за один год она постарела на десять.

— Седеешь быстро... Совсем белая стала. Давай я тебе красоту наведу?

Она приподнимает на меня отрешённые глаза. Чуть улыбается, но это улыбка усталого человека.

— Не за мной тебе ухаживать, родная...

А у меня сердце проваливается вниз. Потому что от её слов веет не заботой, а предчувствием беды.

Глава 3. Алина

Глава 3. Алина

Я запрещаю себе брать телефон. Запрещаю искать хоть какие-то новости о нём — о его аварии, его жизни, его семье.
Шесть лет прошло. Шесть. Большой срок, правда?
Но внутри всё так и зудит желание нажать «поиск», вбить его фамилию и узнать все подробности.

Колясочник.
Сердце по инерции сжимается.
Мне больно. Всё ещё больно.

Нет. Не позволю себе.

Прикрываю глаза и делаю глубокий вдох, как учили на занятиях по дыханию. Счёт до пяти, потом выдох. Но всё равно не отпускает.

В голове вдруг снова всплывает тот вечер. Ужин. Надменный и властный смех его матери, такой раскатистый и глубокий. А затем её острый взгляд, когда она заметила меня в зале.

– О. Алина? И ты тут... – её голос полон притворного удивления. А глаза выдают: «Мы тебя не звали».

– Добрый вечер. Меня... меня Марк пригласил, – помню, как тихо выдавила из себя эти слова, чувствуя, что краснею, оправдываясь за своё появление.

Она кивнула, и на лице промелькнуло что-то странное — будто смятение или презрение, а потом насмешка. И тут же переключилась на мужчину рядом, громко произнесла:

– Это моя племянница.

Я тогда зависла от шока. Окаменела. Племянница? Что за бред? И едва не выронила бокал.

Мужчина развернулся ко мне всем корпусом, внимательно осмотрел — словно каждую деталь моего скромного образа разобрал на ценник.
Да, в моём простеньком платье я выглядела явно бедной племянницей... и слишком чужой для этого сияющего интерьера.

Надо было надеть джинсы. Или вообще не приходить.

– Кто? – переспросил он, словно я была пустым местом.

Мать Марка даже не моргнула:

– Дочь моего троюродного брата. У них тут магазинчик стройматериалов...

Её голос потонул в гуле разговора, но каждое слово резало меня по живому.

Собеседник мгновенно потерял ко мне интерес. Улыбнулся натянуто мне, затем ей и тут же увёл разговор в сторону какого-то проекта. А я осталась стоять, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

Она ведь специально это сделала. Чтобы поставить меня на место. Чтобы всем стало ясно: я никто и звать меня никак.

Я резко открываю глаза. Всё. Хватит. Закрываю этот кадр.

Вдох на пять счётов. Выдох. Но легче не становится.

Журналы с отчётами по товару лежат под моей рукой, я вношу последние данные. Каждая цифра держит меня на плаву, хотя мысли всё равно уползают к чёрным машинам у ворот Верисовых. И к моему прошлому.

– Вот ты в Китае будешь... – старческий голос Дмитрухина раздаётся из угла.

– Ммм?

– Повторяю: когда в Китае будешь, – требует моего внимания назойливый дед.

– И что? – небрежно переспрашиваю, не поднимая головы.

– Так ты мне котика привези.

Я замираю, невольно улыбаюсь, прыскаю:

– Большого?

– Да хоть какого! Чтобы вот так лапкой махал, понимаешь?

Поднимаю взгляд.

Дед уже суёт под нос телефон с картинкой игрушечного кота с поднятой лапой.

– Это сувенир же? – возмущаюсь. Я-то думала, он хочет живого и дрессированного.

– На удачу, – важно поясняет он. – Китайский сувенир.

– Так закажите его тут, – отмахиваюсь. – Четыреста рублей, и у вас будет целая армия этих котов. На удачу!

– Нет, – упрямо бурчит он. – Твой-то... из самого Китая. Из-под самурая привезут.

– Дед, самурай в Японии были, – закатываю глаза.

– А-а... какая разница. Всё равно ты злая сегодня, Алинка, – ворчит Дмитрухин.

– Ага. Очень злая, – машинально соглашаюсь, не отрываясь от бумаг.

Он нарочно кашляет, хитро шурится:

– Это всё из-за Верисовых. Да?

Мои руки замирают над тетрадь.

– Что?

– Дааа! Я знаю. Я же видел, как ты бежала утром. А потом остановилась. За дерево спряталась. Всё видал, – показывает пальцем на свой глаз. – Меня не проведёшь, Алинка-картинка.

Я резко захлопываю журнал. Достал уже.

– Дед... – делаю паузу, набирая воздуха побольше в лёгкие, чтобы сохранить контроль, – держите свои шурупы при себе и идите. Нечего тут сидеть. Мы закрываемся.

Но голос мой срывается и дрожит. Чёрт.

Колокольчик над дверью магазина звенит, и мы одновременно оборачиваемся на звук.

На пороге стоит парень. Высокий, красивый, уверенный, с лёгкой улыбкой.

Я не сразу узнаю.

Ваня Верисов.
Моё сердце мягко и предательски ахает.

Младший брат Марка. Шесть лет назад он был худым, серым подростком. А теперь... высокий, собранный, с тем самым аристократичным видом, как у всех членов его семьи.

И воспоминание накрывает меня: вот так и Марк когда-то, в его возрасте, зашёл в наш магазин.

– Добрый день, – произносит Ваня, и воздух в магазине меняется.

Я ощущаю, как в груди снова поднимается тревога. Кажется, прошлое уже не просто стучится в двери — оно входит само.

Глава 4. Алина

Глава 4. Алина

Первые тридцать секунд я стояла онемевшая.

Мои ноги приросли к полу. Мир оглушил меня и все звенел в ушах, а воздух не хотел входить в лёгкие. Меня парализовало. Пока дед Дмитрухин не воскликнул своим фирменным, сухим голосом:

– Ванечка, сынок! Ну-ка, иди сюда! Здорово! – он раскинул руки, будто собирался заключить парня в медвежьи объятия, но передумал, и тут же оглядел его с головы до ног. – Вот это да! Каким красавцем стал. И костюмчик... заграничный, вижу. «Мэйд ин Лондон», да? Хорошо!..

Я едва не прыснула. Такой кринж я давно не ловила.

Ваня тоже смутился и посмотрел на меня.

Наши взгляды пересеклись на секунду – быстрые, сочувственные, будто мы оба оказались жертвами этого театра.

– Знаешь, Ванятка, где я был, когда плавал? – дед уже запустил свою шарманку. – Я ж моряк! Помнишь меня? Ну же?... Это — Я, Дмитрухин!

– Конечно, помню вас, – мягко ответил Ваня. – И на рыбалку с вами ходили... Все помню.

– Молодец! Ай. Не забыл нас... Так вот! – дед весь довольный расправил плечи. – Я плавал, понимаешь... везде! Даже в Бразилии. И таких там видел женщин... ууу... вот с такими... – он описал руками огромный арбузный круг, и я едва не закатила глаза. – А ещё был в Новороссийске. Ты там был?

– Нет, – спокойно покачал головой Ваня. На его лице читалось удивление: Бразилия и Новороссийск. И что там общего?

– О-о-о... – дед важно протянул, подмигнув. – А я был. Хорошо там. Тепло, море... – его голос на миг потеплел, но тут же стал жёстким. – А тебе, сынок, соболезную. Мать у тебя... женщина была ещё та... ссстерва...

– Дед! – резко одёрнула я его. Сердце у меня ухнуло вниз. Ну нельзя же так при сыне. Дед все понял и начал исправляться.

– Ну сложная она была, – недовольно буркнул он, явно не собираясь останавливаться. – Но красивая, этого не отнять. Я её помню, когда она за твоего отца вышла. Шикарная свадьба. А с мужиками её рядом никогда не видел – сама рулила всем. У неё на совещании, поговаривали, все по струнке ходили... и даже твой отец. Теперь они встретятся. Давно не виделись.

Я бросила тревожный взгляд на Ваню. Он слушал молча: губы плотно сжал, будто удерживал или сдерживал что-то внутри. Мне стало жалко его.

– Так ты теперь один, сирота, – не унимался дед. – А Марк уже приехал?

Я вздрогнула. Мне как током ударило.

– Марка завтра привезут, – спокойно ответил Ваня. Его голос был сдержан, но я заметила, как дрогнули его пальцы. – Он... Я вот пришёл пригласить вас завтра в храм, на отпевание. Родственников у нас здесь больше нет. И хотел попросить, чтобы вы передали жителям: могут прийти. И... – он снова замялся на секунду, – в ресторане у Мусаева будет обед. Я обо всём позаботился.

В груди у меня кольнуло. Мне стало жалко его – слишком взрослый взгляд у этого парня, слишком тяжёлые слова для сына.

– Придём, – тихо сказала я, понимая и уважая его горе. Мать я его тоже не любила, но сыновья – это другое.

– Конечно придём, сынок, – подхватил дед. – Поддержим вас с братом. А он значит... теперь инвалид?

Я сглотнула, чувствуя, как пересохло горло.

– Да, – одними губами выдохнул Ваня.

Он замолчал на секунду, потом продолжил, уже глядя прямо на меня:

– Марк попал в аварию. Повреждён позвоночник, он не может ходить. Но... он хочет остаться здесь. В доме. Мы думаем сделать ремонт, всё обновить. Марк сам займётся проектом. Алина, все материалы мы закажем у вас.

Имя «Марк» снова прозвучало в моем сердце тревожным колоколом.
 Он здесь.

И надолго.

Боже... мама была права. Прошлое действительно стучится в мою дверь.

Я сглотнула и выдавила:

– Хорошо.

– Прораба лучше взять Степана, – встрял дед, как ни в чём не бывало. – Он у меня рукастый. Вот они с Алиной вдвоём – шуры-муры крутят, а все никак не женятся.

Ваня резко обернулся на него. Его взгляд стал острым, недоверчивым, даже недобрый.

Я ощутила, как щеки заливают жар. Из-за новостей я совсем забыла про Степана.

– Хорошо, давайте обсудим завтра, – спокойно сказал Ваня, явно стараясь сгладить неловкость. – После обеда, когда привезут Марка.

– До завтра, – откликнулась я. С трудом удерживая дрожь в голосе.

Он как-то длительно кивнул, а затем вышел. Колокольчик на двери снова дрогнул и стих. Вслед за ним в помещении воцарилась тишина.

Жизнь больше не будет прежней. Это я поняла точно.

– Алин, – дед склонил голову, рассматривая меня, – ну что ты так побледнела? Прямо лица на тебе нет...

Я отвела взгляд. Потому что и правда — лица на мне не осталось. Мне все это не нравится...

Глава 5. Алина

Глава 5. Алина

Ночь выдалась бесконечной. Я ворочалась с боку на бок, сжимала кулаки, натягивала на себя одеяло и снова сбрасывала его. Казалось, стены комнаты давят, воздух густой, будто его не хватает. Сон приходил урывками и тут же уносил меня в прошлое.

Всё возвращалось. Шесть лет назад. Ужин в доме Верисовых. И то, что изменить было нельзя.

– Что с твоей матерью? – спросила я тогда, кивая в сторону Королевы, которая стояла все с тем же странным мужиком недалеко от нас. Она периодически смотрела в нашу сторону.
– А что с ней? – Марк пожал плечами. – Вроде всё нормально. Спасибо, что пришла, – мягко прошептал мне, заглядывая в глаза, не замечая ничего странного.
– Ага, нормально... – нервно усмехнулась я, поджимая губы. – Она только что назвала меня твоей племянницей. Прикинь?

Брови Марка взлетели вверх.

– Кем? – с искренним удивлением спросил он.

– Племянницей, – повторила я, стараясь, чтобы голос звучал твердо. – Вон тому мужику. Сказала, что я бедная ваша родственница ... – я скривила лицо.

Марк нахмурился и посмотрел в сторону матери.

– Хм... Нууу... Это её новый партнёр по бизнесу. Странно... – пожил растерянно плечами.
– Я даже не знаю, зачем он здесь. Милая, идём, выйдем в сад. Здесь слишком душно... и много народа, которого я не знаю.

Мы сделали несколько шагов к двери, ведущей в сад, когда властный голос его матери разрезал воздух:

– Марк, можно тебя на минуту в кабинет?

Марк весь напрягся, слегка сжал мою ладонь и нехотя согласился:

– Подожди, я быстро. Наверное ей нужна моя помощь...

Я осталась одна в зале среди чужих, чувствуя на себе десятки насмешливых взглядов.

Резко просыпаюсь, тяжело дыша. Лоб мокрый от пота, сердце бьётся так, будто готово вырваться наружу.

Сон. Это всего лишь сон. Фуух...

Но ощущение такое, что прошлое не уходит. Оно стоит рядом и тяжело дышит мне в затылок.

Смотрю на часы – ещё очень рано. Но оставаться в комнате я не могу. Меня всю трясет.

Натягиваю спортивные кроссовки, куртку, собираю волосы в хвост и выхожу на улицу.

Холодное утро бьёт по щекам, и я ускоряю шаг.

Бег всегда спасал меня от лишних мыслей. Я пробегаю знакомый маршрут, стараясь сосчитать вдохи и выдохи, но мысли всё равно возвращаются к нему. Этот сон возобновил в памяти тот дурацкий день, когда...

Я опомнится не успела, как ноги сами привели меня туда, куда я не хотела бы вернуться. Дом Верисовых.

Стою у ворот, сердце колотится в груди.

Смотрю на окна. В одном из них горит свет. Именно там, где когда-то была его комната. Прикрываю глаза. И кажется снова попадаю в то чудесно время, когда я была в невозможно влюблена.

Нет. Алина. Стоп. Это надо забыть.

Меня охватывает странное чувство: тревога, ожидание, надежда.

Я прикусываю губу до крови. А вдруг он там? Уже вернулся?

Тень мелькает за занавеской. Я замираю, не в силах отвести взгляд.
 Это он? Он здесь?

И тут что-то внутри меня ломается.

Я не хочу, я не могу с ним встретиться. Только не после того, как он предал меня.

Разворачиваюсь и резко бегу прочь, через улицу. Хочу убежать от этой боли, от воспоминаний, от всего, что снова рушится на голову.

Выбегаю на пустую улицу. Асфальт такой влажный после ночного дождя, под ногами скользко. Нога вдруг подкашивается, я теряю равновесие. В этот момент замечаю ослепительный свет фар и резкий визг тормозов. Я успеваю только выставить руки вперед. Но поздно. Падаю под колеса...

Глава 6. Алина

Глава 6. Алина

Я медленно поднимаюсь с асфальта. Дрожащими руками стягиваю с себя пыль.

Колено начинает саднит и печь, но, кажется, цело.

В миг хлопает дверца машины — водитель бежит ко мне, лицо испуганное, суетится, что-то говорит, но я почти не слышу.

Черт... как неловко... Но все цело...

А ... нет...

Мой взгляд прикован к кроссовку. На носке широкая рваная дырка. Ткань лопнула и мой большой палец торчит.

Вот блин. Хорошо, что ноготь цел и педикюр.

Вдруг ощущая, как кто-то острым взглядом давит меня через тонированное стекло. Кошусь на лобовое, но тут же отвожу глаза. Но все интересно: кто там?

Фары ещё слепят, но я снова набираюсь смелости, смотрю... прищуриваюсь, за тонированным стеклом силуэт. Мужчина. Он смотрит прямо на меня. Меня пробирает дрожь.

И мысль несется вперед разума молнией: нет... неужели это Марк?

К горлу подкатывает тошнотворный ком.

Я с трудом сглатываю и делаю шаг назад и в сторону.

Водитель тянется ко мне:

– Девушка, вы как? Я вас... я вас чуть не сбил! Может, скорую?.. Вы в порядке? Как мне вам помочь?

Я качаю головой, машинально отмахиваюсь.

– Всё в порядке. Я сама... – отворачиваюсь, но он пытается догнать меня. Резко стопарю его: – Все нормально. Я цела и невредима.

Спотыкаясь, перехожу на тротуар. Иду, будто в тумане. Спина горит, как и колено — я ощущаю, что меня провожают пристальным взглядом.

Я чувствую его.

Сердце начинает колошматить в груди.

И если это правда он... значит, он видел, как я металась под его окнами. Как распласталась на мокром асфальте.

О боже!

Хуже быть не может.

Хромая, переступаю порог дома. Пахнет лекарствами и чем-то кислым. Мама сидит в кресле у окна, укутанная в старый платок. Смотрит сначала на меня, потом на мои кроссовки. На рваный носок. Взгляд ее простой и без удивления.

– Ну я ж говорила... купи себе новые, – произносит почти торжественно, будто это и есть главное доказательство её правоты.

Я замираю.

И тут же вспоминаю её слова. «Прошлое встретишь. Не поедешь ты никуда».

Замираю сильнее. Шокированно.

– Куплю, – сухо отвечаю, разворачиваясь, чтобы спрятать лицо от нее с тревогой.

Но мама не отстаёт.

– На панихиду сегодня все вместе пойдём.

Я скидываю брови.

– Зачем? ... – разворачиваюсь. Пристально смотрю на нее: – Зачем нам это и что там нам делать?

Она смотрит прямо и строго, без колебаний.

– Ты должна её простить, Алина... И она тебя. Так положено.

Я нервно моргаю, пытаюсь осознать. Мне это не послышалось? Простить?
 – Простить?... Мать Марка? Я? – мои слова звучат чужими. – Ты что-то путаешь. Она мне ничего не сделала... В отличие от её сына.

Мама пожимает худые плечи, укутываясь глубже в платок:
 – Там разберешься. Положено проститься с человеком, значит простишься. Вас позвали — позвали. В такие дни не отказывают . Я уже всё приготовила. Собирайся. Проведём человека.

Я прикусываю губу так, что становится больно. В груди копится злость, но вместе с ней — страх. Мне не хочется встречаться лицом к лицу со своим больными горьким прошлым...

Глава 7. Алина

Глава 7. Алина

Пуговицы на моём чёрном костюме начинают дрожать под пальцами. Не могу успокоиться. Утро. Машина. Это был он или не он?

Я уставилась на себя в зеркало.

Вот это поворот судьбы. Никогда бы не подумала, что буду собираться по такому поводу — в храм, на похороны. Да еще и к ней... к его матери.

— Собралась? — мама появляется в дверях и смотрит на меня своим недовольным взглядом. — А что не в платье? В храм в брюках неприлично.

— Мама... — закатываю глаза. Всё это и так выше моих сил. — Кому я там нужна. Пойдёт и так. Мне так удобнее, — капризничать. Не собираюсь я наряжаться ради них в платье.

— Кому... кому... — сухо бормочет она, поправляя платок на плечах. — Ему и нужна будешь. Он же за тобой приехал. А ты вот...

— Мама! — возмущённо ахаю. — Что ты такое говоришь? Тебе точно нужно менять лекарства.

Я подхожу ближе.

Смотрю в её глаза. Ну почему она такая? Ведь ещё год назад она цвела, улыбалась, держалась за жизнь. А сейчас будто подменили. Словно прислали чужую женщину — серую, ворчливую, с вечными пророчествами и намёками, которые давят на меня сильнее любых слов.

— Девчонки, идём, — отец заглядывает в комнату. — Я машину завёл. Дмитрухин там уже ждёт, скоро начнёт возмущаться.

— А он не со Степаном? — спрашиваю, надеясь услышать «да».

— Твой жених решил остаться на объекте, — пожимает плечами отец. — И правильно. Он же не знает это семейство так, как мы. Зачем ему там быть.

Я усмехаюсь, но выходит криво.

— Семейство... да. Королева когда-то ухитрилась представить меня своей племянницей, — зачем-то проговариваю это вслух.

— Что? — переспрашивает отец с насмешкой. — Зачем это? И почему? Какая ей это этого выгода. Эта дамочка — слов на ветер не бросала.

— Не знаю... — я пожимаю плечами. — Наверное, не хотела...

И тут меня словно молнией ударяет воспоминание. Сердце ёкает, дыхание сбивается.

Марк заходит в кабинет к матери, неплотно прикрывает дверь. Я вижу их силуэты. Они останавливаются у стола. Собираются что-то обсуждать. И тут Королева поднимает глаза — и на секунду встречается со мной взглядом. А потом медленно закрывает дверь, как будто давая понять: «Не подслушивай, девочка».

Я стою. Грудь сжимает горячим воздухом. Ладно, окей. Делаю вид, что всё в порядке, и перевожу взгляд на того мужчину, которому она меня недавно представила — «племяннице».

Мужик — не местный, видно сразу — костюм дорогой, лицо городское, руки ухоженные. Он уткнулся в телефон. Что-то нервно строчит. Но внезапно поднимает голову.

И в этот момент в комнату входит, влетает, молодая блондинка.

Её я раньше в городе точно не видела.

— Папуууу-ля! — жеманно тянет она, бросаясь к мужчине на шею. — Ну я же здесь! И не суетись так. Твои сообщения доходят до меня даже, когда они попадают в архиве.

— Лена... — он шипит на неё и недоумением, затем принюхивается. — Что за запах?... Ты пьяна?

– Папу-у-уля, – снова протянула она, раскачиваясь. – Я не могла приехать в эту дыру трезвой. Это выше моих сил. Так, чуть-чуть выпилила шампанского... для храбрости...

Я отворачиваюсь, делая вид, что не слушаю.

Но уши у меня на макушке.

– Ты же в положении... – срывается с его губ.

– Папочка, я в таком положении, что... – она высокомерно хохочет пару секунд, потом останавливается: – У тебя тут что, виски? Дай стакан.

– Боже, Лена! – злится он. – Ты с ума сошла? Я запрещаю тебе пить и травить моего внука или внучку!

– Папа, ну не делай из меня инкубатор. – Она нервно фыркает. – Всё равно я сделаю аборт.

– Что?!! – его голос дрожит от ярости.

– Что слышал. Мне этот ребенок – НЕ нужен... Он испортит мне фигуру. Я еще молода для такой роли.

Я невольно вздрагиваю.

«Как? Как это?»

И в этот момент кто-то касается моего плеча.

– Девушка, извините, – мягкий женский голос. – А где здесь дамская комната?

Я разворачиваюсь и чувствую запах алкоголя. Та самая блондинка. Беременная, но при этом ослепительно красивая.

– Я вас провожу, – выдавливаю я, все еще шокирована ее словами. Как она так может говорить?

– Отлично. – Она улыбается и озирается. – Я в доме Марка первый раз. Ну ничего так, правда? Хотя, старомодно. – Смеётся. – У его матери ужасный вкус. Старческий. Вот в его квартире в Лондоне было уютнее. Гораздо лучше. Спасибо.

Она скрывается за дверью, а я остаюсь стоять, как вкопанная.

Его квартира. В Лондоне. Она там была.

Мир вокруг словно съёживается, становится тесным и душным. В голове грохочет одна мысль: «Она жила у него? Или просто была в его квартире?».

Я моргаю, и зеркало снова возвращает меня в реальность. Наблюдаю за своим отражением. Чёрный костюм, серые глаза, бледное лицо, сползающее в никуда от прошлого. В груди ноет: кто-то медленно выворачивает сердце.

– Идём уже, – нетерпеливо говорит отец. – Опоздаем.

Я киваю, поправляю волосы. А внутри — дрожь. Я не хочу его видеть...

**Дорогие мои любопытные кошечки, обязательно добавьте книгу к себе в библиотеку и поставьте ей звездочку, а еще можно подписаться на автора :)
 Спасибо за поддержку и теплые слова в комментариях.**

Глава 8. Алина

Глава 8. Алина

Мы стоим у храма некоторое время.

У меня от волнения ноги сводит сильно. Их словно перетянули верёвкой. Кажется, если сделаю шаг, то грохнусь тут же на ступеньках.

Я держу в руках гвоздики. Мама мне их все же дала.

Я упиралась:

– ... Мам, ну не буду я ей ничего класть.

– Ничего, положишь. Не переломишься, – сказала-отрезала.

Эти стебли неприятно колют ладони, который от волнения и страха стали липкими.

Зачем я здесь? Что я доказываю? Мне ведь не место. Совсем.

И в этот миг в памяти оживает её голос.

Ледяной и властный. Эта женщина одним взглядом могла унижить человека.

— Что ты тут стоишь? – обратилась она ко мне, приподнимая свой острый подбородок.
– Думаешь, он к тебе вернётся?

Я поднимаю глаза на небо. Мне кажется, что она рядом. И шепчет мне это сейчас.

Я тогда хотела ответить. Хотела сказать хоть что-то. Но внутри поднялась такая горечь, что рот онемел. И я просто опустила глаза.

И тогда прозвучали ее слова. Последние.

— Милая, — продолжала она, почти ласково, но этим ещё сильнее давила и унижала, — мой сын никогда не женится на тебе. Он женится на другой. Тебе здесь не место.

Блин! Крик отчаяния заглушает все вокруг.

Делаю глубокий вдох.

И она оказалась права.

Он женился.

На другой.

Я стискиваю зубы, как тогда.

— Алинка-картинка... — слышу сипловатый голос деда Дмитрухина. — Ты чего такая бледная?
 Резко поворачиваюсь к нему, натягиваю маску реального человека. Я привыкла это делать. Каждый раз, когда кто-то ко мне обращается – я играю свою лучшую роль. Роль сильной и уверенной в себе, пряча глубоко сломленную гордость и первую любовь.

— Ну... похороны же, – небрежно, с равнодушием тяну.

Внутри все клокочет. Рвет. Тиши, Алина. Ты сможешь. Ты справишься. Тебя больше никто не обидет.

Собравшись, с силами делаю шаг. Тяжёлый, будто в болото вступаю. Смотрю на тёмные двери храма и чувствую, что мое сердце, как зверь в клетке мечется.

Перекрещиваюсь.

Вхожу.

Внутри пахнет воском, ладаном и чем-то сладким, от чего саднит в носу и горле.

Люди все в чёрном, чьи-то платки, чьи-то скорбные лица. Я не смотрю на них. Боюсь.

Потому что знаю: он здесь. И я не готова к встрече.

— Свечки возьмите, сейчас начнём уже.

Смотрю пустым взглядом. Женщина в платке протягивает мне пучок свечей.

Я машинально беру, благодарю. Руки дрожат. Зачем мне это? Надо бежать... срочно бежать, пока не поздно.

Мать перешёптывается с соседкой, поправляет на себе чёрный шифон.

Но платок всё время соскальзывает, и она раздражённо дёргает его снова и снова. А я стою — и чувствую, как на меня все это давит. Протест поднимает изнутри.

И вдруг:

— Привет.

Голос за спиной. Немного суховатый. Сдержанный.

Я знаю этот голос.

Всё тело мгновенно холодеет.

Я не хочу оборачиваться. Не хочу. Но ноги сами делают шаг, и я поворачиваюсь.

Сначала глаза. Эти глаза я узнаю даже во сне.

Затем опускаю взгляд.

Чёрный костюм, белая рубашка, волосы уложены так же идеально, как всегда. Лицо и шея подсвечена лёгким загаром. Боюсь смотреть ниже.

Ноги. Ноги его неподвижны.

Он сидит в коляске, как по стойке смирно. С любопытством тоже рассматривает меня. Все же достаточно лет прошло.

Сердце моё падает куда-то вниз.

— Привет, — отвечаю одними губами. Пораженная происходящим.

Время рвётся. Шесть лет пролетают, как оборванные страницы календаря. Каждый год — отдельная боль, надежда и ожидание.

Я не хочу возвращаться в то прошлое, которое забывала и прятала от себя.

Я смотрю ему в глаза и мысленно говорю: «Оставь. Не надо. Не говори со мной».
И на миг мне кажется, что он отвечает: «Я понимаю». Но может, это иллюзия.

— Алина! — Ваня подходит ближе, склоняется ко мне щекой.

Голос его — как спасение.

— Вы всё же пришли. Спасибо. Марк приехал ещё утром, — он мягко кивает на брата.

— Утром?.. — шепчу я, удивлённая и сбита с толку.

— Да, — Ваня улыбается. — Сделал мне сюрприз.

Я моргаю, не понимая.
Марк смотрит слишком пристально.

Мне тоже — сделал сюрприз.

— Как колено? Сильно ушибла?
— Нет... — выдавливаю, ощущая, как дыхание сбивается. — Только кроссовку порвала.

Его губы едва заметно дрогнули.
— Ясно. Ну ты и Золушка, — усмехается он. — Спортивная Золушка.

Я замираю. Его юмор на грани грусти, такой знакомый, пробивает мой панцирь.

Но тут же возвращается холод. Я не сдамся.

Батюшка выходит, и хор начинает петь.

Этот звук будто пронзает меня насквозь.

Прохладный ветер врывается в храм. Окутывает меня, бросает мое тело в дрожь.

Я смотрю на иконы, перевожу взгляд на красивый портрет Королевы. И свечи, горевшие рядом с ним, разом тухнут.

— Ведьма, не сдаётся, — шипит мама мне в ухо.

Глава 9. Алина

Глава 9. Алина

С укором смотрю на маму.

Ну вот, снова за своё. И главное — в храме.

Мама сразу же читает мои мысли.

Отводит взгляд, поправляет чёрный платок.

— Ничего, дочка, справишься, — неожиданно мягко произносит она и косится на ноги Марка. Кривит лицом.

Потом быстро отходит к отцу.

Я остаюсь одна — и это «справишься» врежется в сердце острее любого упрёка.

Странно. Шесть лет назад она запирала меня в комнате на ключ, лишь бы я вечером не сбежала к нему. Шесть лет назад её слова были холодными, резкими, почти злыми:

— Не пара он тебе, Алина. Другой он человек.

— Какой? — кричала я в ответ, срывая голос.

— Ты же в розовых облаках летаешь, — она щурилась, словно от яркого света, — а тебя же после него... замуж никто из ребят не возьмёт. Береги честь смолоду...

— Ма-ма, прекрати!.. — затыкаю ее.

И так повторялось и не раз, и не два.

Я задыхалась от возмущения. А она намекала и намекала на интим и то, что...

Обсуждать с ней это было выше моих сил.

Но намёки были прозрачны: «принесёшь в подоле — и всю жизнь расплачиваться будешь».

— Дочка, — добавила она, — ну не нужен он тебе. У них своя судьба, а у нас своя. Выберешь себе парня попроще и грустить не будешь...

Я ненавидела эти слова.

«Попроще».

А если я не хочу? А если мне не интересно?

И почему я должна выбирать проще?!..

А потом, в тот же вечер, вернулась домой после ужина и рухнула ей на шею. Слезы душили, руки дрожали, а из груди вырывалось дикое отчаяние и боль от унижения:

— Мамочка... мамочка, как же ты была права... он... он... он...

Она гладила меня по голове, проводя ладонью от макушки до спины, приговаривая:

— Жизнь длинная, доченька. Все слёзы высохнут, и радость ещё вернётся. Но сердце девичье хрупкое. Разобьют его ласками, надеждами... а потом оставят.

Я вспоминаю тот вечер, будто всё было вчера. Ночь, самая долгая и ужасная в моей жизни. Как разбилось мое сердце и перестало чувствовать и верить мужчинам. Я уснула под утро — разбитая, измотанная.

Как же ненавидела Марка за ложь и предательство. За то, что пригласил меня на ту вечеринку. И так...

Зачем он позвал меня?

Чтобы показать, какая у него красавица невеста? Чтобы я своими глазами увидела, как он с ней, счастливый, блистает?

Или он не ждал ее. А она свалилась, как снег на голову и испортила ему каникулы.

Боже... Мое сердце сжимается и обливается слезами, его словно опять острым ножом проткнули.

Украдкой смотрю на него.

Да, травма оставила след на мне.

Но вижу и его судьба наградила болью: его лицо отрешенное, взгляд холоден. Держится от всех так, словно за стеклом. Смотрит на портрет матери без всякого тепла. Равнодушно. Словно ни капли не жалеет, что её не стало. Почему? Ведь он был ее любимым сыном...

И тут... дверь кабинета распахивается.

— Ты не смеешь так со мной поступать! — голос Марка глухой, сорванный. — Это уже слишком...

Он выходит, нет, вылетает пулей — красный, злой, дыхание тяжёлое.

Наши взгляды встречаются, и он тут же быстро отводит глаза, и исчезает куда-то вглубь коридора. Я порываюсь его догнать, но ... что-то удерживает меня на месте. Я его таким никогда не видела. Мне стало не по себе.

Следом появляется она. Королева.
Величественная, собранная, будто и не было ссоры минуту назад. Глаза ее подсвечены судорожным блеском, как осколки тонкого стекла.

Но губы тут же растягиваются в вымученной улыбке и следом идет небрежный взмах головы:

— Прошу всех к столу, — звонко говорит она. — Мы скоро начнём.

Гости, перешёптываясь, понимают, что что-то случилось между сыном и матерью, но решают не влезать в семью, и тянутся к длинному столу, установленному тарелками и хрустальными бокалами.

Я проглатываю свою растерянность и тоже делаю шаг в сторону стола, но Королева вдруг оказывается рядом.

— Дорогая, — её пальцы цепко вцепились мою руку чуть выше локтя. — Ты сегодня будешь сидеть рядом со мной.

Мой рот сам собой приоткрывается.

Что??? Мне не послышалось?

Все слова огромным комом застревают в моем пересохшем горле. Я не нахожу, что ответить.

— Идём, — не терпя возражений, тянет настойчиво меня вперёд. Сжимая руку мою еще сильнее, до резкой боли. Я хочу сбросить эту клешню, но оттолкнуть её я просто не смогу. Это будет сильно заметно всеми...

Глава 10. Алина

Глава 10. Алина

– Давайте вместе помолимся... – голос священника мягко перекачивается под своды, но для меня он звучит как скрежет. Я ловлю себя на том, что сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони.

Я смотрю на Марка. Его лицо спокойно, почти безэмоционально, но я знаю — за этой отрешённостью прячется что-то, что он не позволяет никому увидеть. Каждая секунда воспоминаний обрывается в груди колкой болью.

Всё снова слишком живо: тот вечер, те слова, то предательство.

Мне не хочется молиться. Не хочется стоять здесь среди людей, которые, возможно, искренне скорбят. У меня нет ни сострадания, ни тепла к этой потере.

Всё, что я чувствую, — это холод и ненависть, а еще несправедливость, все эти чувства обжигают сильнее огня.

Мама словно энергетический локатор, ловит, как я задыхаюсь и мечтаю уйти: сжимает мою руку. Её пальцы ледяные, как мои.

– Недолго осталось, – тихо говорит она. – Потерпи.

Её тон странный. У неё есть план, который я не понимаю.

Когда служба заканчивается, я почти бегу к выходу.

Холодный воздух обрушивается на лицо, и мне наконец удаётся вдохнуть полной грудью. Этот запах свечей, густой и приторный, словно держал меня в ловушке.

– Как ты? – мама подходит следом.
– Домой хочу, – отвечаю резко. – Мне всё это тяжело.

Но нас быстро находит Ваня. Его глаза красные, уставшие.
– Вы с нами на кладбище поедете? – спрашивает он с надеждой, будто держится за нас, как за последнюю опору и самый близких ему людей.

Я уже готова сказать «нет», но в его голосе столько одиночества, что слова застревают в горле.

– Конечно, Ваня, поедем, – выдавливаю.

– Тогда водитель скоро подъедет.

Я бросаю маме злой взгляд.

– Зачем? Зачем ты меня втягиваешь?

– Так нужно, – спокойно отвечает она.

– Что нужно? – срываюсь. – Что за странные игры?

– Дочка, – она смотрит прямо в глаза, – ты им единственная близкая. У них никого больше. Ты должна быть рядом.

Я сжимаю губы. Да, вокруг много людей, но все они — скорее знакомые по статусу. Настоящих близких, похоже, нет. Но я – никому ничего не должна. Особенно Марку.

– А жена? – вырывается со злостью у меня.

Мама качает головой.

– Не приехала. Видеть он ей такой не нужен...

Я ошеломлённо молчу. Перед глазами встаёт картина: Королева и та блондинка. Я же помню... У Марка должен быть ребёнок... Но почему тогда он здесь один?

Через пару минут Ваня подкатывает коляску к нам.

Марк выглядит спокойным, сосредоточенным, собранным, только глаза выдают застывшую усталость или грусть.

– Идёмте, – сдержано проговаривает он.

Мы выходим к машинам. Дорога к кладбищу тянется бесконечно. Я сижу, вглядываясь в окно, и чувствую, как дрожь пробегает по коже. Хотелось бы сейчас оказаться где угодно, только не здесь. И я бы никогда не подумала, что это случится о мной. Я буду участвовать в похоронах человека, который сломал меня и прощаться с ним.

У ямы становится ещё холоднее. Я тщательно гоню прочь плохие мысли.

Белые цветы, аккуратно разложенные вокруг портрета, кажутся издевательством — слишком живые на фоне смерти.

Я все еще ловлю себя на мысли: мне стыдно за свои чувства.

Люди вокруг молятся, принимают скорбный взгляд, а я... я полна ненависти и злости. Королева забрала у меня не только любовь, но и уверенность в себе. Её слова до сих пор звенят в голове: «Мой сын никогда на тебе не женится».

– Доча, – вдруг шепчет мама, – бери горсть земли.

– Зачем? – смотрю на неё в упор.

– Бери, – её голос твёрдый, непривычно повелительный.

Я машинально подчиняюсь. Земля холодная, влажная, липнет к пальцам.

– Теперь бросай и говори, – наставляет мама.

– Что говорить?

– «Прими чужое, оставь мне моё».

Я моргаю, не понимая, зачем это. Но рука сама разжимается, и земля сыплется вниз, на белые цветы.

– Прими чужое, оставь мне моё, – шепчу я почти неслышно.

Чёрные комки земли ложатся поверх белого. Внутри у меня будто что-то переворачивается.

– А теперь уходим, – решительно говорит мама.

Глава 11. Алина

Глава 11. Алина

– Папа, вот здесь, эти... – дверь открывается, я оборачиваюсь на звук. Отец рядом.

На пороге магазина появляется Ваня.
Мы несколько секунд просто смотрим на него, пока он не кивает и не произносит:

– Добрый день.

– Здравствуй, Ваня, – отвечает папа. – Как ты? Как твой брат?

– Хорошо, – кивает. – Я пришёл, – переводит взгляд на меня. – Алина, я хочу с тобой поговорить.

– Пап, я скоро, – откладываю в сторону журналы, чувствуя лёгкое удивление.

Мы выходим из магазина, я плотнее кутаюсь в куртку.

– Я сегодня улетаю, – начинает Ваня.

– Так быстро? – не удерживаюсь. – Вы же только вчера её похоронили.

– У меня дела, я не могу оставить фирму.

– Ясно, – киваю, глядя в сторону.

На его лице — беспокойство, которое он тщетно пытается скрыть.

– Марк остаётся, – глухо произносит.

– Да, ты говорил. Он займётся домом.

– Домом... и не только, – Ваня запинается, тяжело выдыхает и смотрит прямо на меня.

Я чувствую, что он решается на просьбу.

– Я видел, ты всё время в спорте. Бегаешь.

– Да.

– Я... – он заминается, потом резко выдыхает: – Не знаю, могу ли тебя об этом попросить.

Ты можешь отказать.

– О чём? – настораживаюсь.

– Марк.

– Нет, – мотаю головой.

– Алина, ему нужна помощь. Он...

Я закатываю глаза. Только не это.

Он хватает меня за запястье.

– Ты же видела – он не ходит.

– Ты серьёзно? – срываюсь. – Думаешь, я буду возить его коляску? – меня накрывает злость.

– Не возить, – Ваня сжимается, умоляя взглядом. – Просто быть рядом.

– Нет.

– Алина, всё очень серьёзно.

– У меня тоже всё серьёзно!

Но он не слышит.

– У него через месяц операция. Каждый день нужны упражнения, подготовка. Без этого врачи не возьмутся. А я... – он осекается, – я не могу оставить всё. Теперь вся компания на мне.

Я молчу.

– Эта операция важна. И очень опасна. Если всё получится, он сможет ходить снова.

Горло сжимает. Дыхание становится рваным.

– А если нет?

Ваня отводит глаза.
– Я не хочу об этом думать. Мой брат сильный, молодой.

– Ну а если...

– Он может остаться парализованным, – выдыхает он. – И не только ногами.

Моё сердце будто разрывается на части.

– Ваня, я не могу всё бросить, – кричу, чувствуя, что силы уходят. – Это твой брат, твоя семья, ваши проблемы! Наймите тренера. В городе их полно! Хочешь, дам номера? Почему я? Почему всегда я?

Я почти разворачиваюсь, но он снова хватается за руку.

– Я боюсь за него.

Мир рушится.

– В смысле?

– Не знаю, – качает головой. – Но я чувствую: как он смотрит, как молчит... Я боюсь оставить его одного. Он не в порядке.

Мурашки бегут по коже.

– Может, это связано с его женой? Пусть она займётся. У него же есть жена.

– Ей до него нет дела, – резко отмахивается.

– А ребёнок? – я смотрю прямо ему в глаза.

Он морщится, будто получил удар.

– Какой ребёнок?

Я застываю, но всё же говорю: – Она была беременна, когда они женились.

Ваня пожимает плечами, растерянно: – Я ничего не знаю. Нет никакого ребёнка.

Тишина давит. Я сглатываю, стараясь закрыть тему.

– Ладно. Это не моё дело. Мне пора.

– Алина, – его голос срывается. – Я прошу тебя.

– Почему я? – почти кричу. – Почему, когда у вас всё рушится, должна появляться Алина и всех спасать?

Ваня моргает, растерянный, словно не ожидал моего взрыва. И в этот миг я вижу в нём того самого мальчишку, который боялся залезть на дерево за котом. Тогда он тоже смотрел на меня так — с надеждой и страхом. Только сейчас ему за двадцать, а глаза всё те же.

– Потому что, – он сглатывает, – потому что мой брат любит тебя. Всегда любил только тебя.

Воздух застревает непроходимым комом. Земля уходит из-под ног.

– А женился на другой! – с болью бросаю ему в лицо и ухожу.

Глава 12. Алина

Глава 12. Алина

— Ты какая-то задумчивая, — пережевывает Степан слова, откусывая кусок мяса.
— Что? — переспрашиваю, не расслышав его вопроса.
— Я сказал, — он вытирает масляный рот салфеткой, — что ты сегодня не такая. Задумчивая слишком. Что случилось?
— Это из-за похорон. Зачем мы туда пошли, — ворчит отец. — Твой дед тоже был.
— Да, — небрежно отмахивается Степан. — Он везде свой нос сует. Но! Могу сейчас его похвалить. — Это почему? — спрашивает отец с интересом.

— Да он мне такой заказ подогнал. Я сам был в шоке, пока не убедился, что это правда.
— Это какой же? — мое сердце сжалось и я уставилась на своего жениха.
— Ну этот... тот, их малой, Иван, который ходит, ха-ха, — Степан смеётся над своей шуткой. Мне становится не по себе. Смотрит на нас, мы с отцом не поддерживаем его смех. Замолкает. Поясняет: — А второй же не ходит, ну он и не придет же ко мне...
— Что дальше? — закатываю глаза, не хочу я делать акцент на Марке.

— Этот пацан пришел и говорит, что они будут весь дом переделывать. А там сумма — ого-го... Я голову сделал задумчивую, мол планы и все такое. Но он не растерялся... Солидно предложил, но я всё равно накинул 30% сверху, — с самодовольством произносит он, расправляя плечи и вытягиваясь на стуле.

— Зачем? — нервно спрашиваю.

— Как зачем? У них есть деньги, они могут заплатить сколько я пожелаю, — недовольно спорит Степан.

Отец делает вид, что согласен, но по глазам видно — ему не нравится такая наглость.

— И мы на эти деньги закатим с тобой такую свадьбу, — он протягивает руку и сжимает мою ладонь. — Я тебе наконец-то куплю кольцо. Самое дорогое.

Я замираю, затем нехотя убираю руку.

— Я же говорила, что мне не нужна свадьба... А кольцо можно обычное купить.

— Неа... — фырчит Степан. — Хочу, чтобы ты вся сияла... Чтобы ресторан и живая музыка была... — от каждого его «хочу» мне становилось только хуже.

Степан хочет сделать из меня трофей и всем это продемонстрировать.

— Как вернёшься из Китая, так через месяц сразу свадьба. У вас и у меня хороший подъём, — он улыбается уверенно. — Мы тут такой бизнес замутим.

Отец смотрит на меня.

Я делаю вид, что это меня не сильно беспокоит.

Но в его лице пробегает что-то неприятное, почти издевательское.

— Так что? Завтра идете в ЗАГС, Алина? — спрашивает мать, ворвавшись в разговор. — Там два месяца нужно...

Я поднимаю на нее глаза.

— Точно, — подхватывает с одушевлением Степан. — Тогда завтра и подадим заявление. Да, Алина?... И начнём потихоньку готовиться. Я квартиру сниму нам, всё обставлю, пока ты в Китае будешь.

Я смотрю на маму — зачем она это сказала? Ну кто ее за язык тянул. В её лице сквозит что-то, что мне не нравится.

— Прямо с утра, — продолжает Степан, — а то у меня весь день расписан: надо ребят собрать, архитектора, дизайнера — они онлайн дадут. Ну и с этим Марком ещё общаться. Я сегодня его видел — такой мрачный и высокомерный. Пару слов буркнул с недовольной рожей и укатил.

— У него же мать умерла, — вставляет отец. — Что ему веселым и бодрым быть? И ноги не ходят... Молодой, а на всю жизнь инвалид.

— Да ну их, — отмахивается Степан. — Меньше надо по горам лазить и прочим развлечениями заниматься. Наверное пьян был в стельку. А всё от денег. Я слышал, его жена бросила, вот и приехал, поджав хвост. Кому он такой нужен... хоть и с деньгами, но ниже же пояса — не работает, — Степан начинает снова ржать.

— Всё, хватит, — резко срываюсь я.

Все оборачиваются.

Я понимаю, что слишком взорвалась.

— Я пойду поспать, голова разболелась...

— Алин, — мягко предлагает Степан, подмигивая, — я думал, мы «кино» посмотрим или «прогуляемся»...

Его подмигивание — это шифр: будем в машине целоваться и обниматься. Он соскучился.

— Я же сказала, что устала, и мне надо к переговорам с Китаем готовиться, если мы хотим их получить в поставщики, — отвечаю, пытаюсь звучать ровно. — Всем до завтра.

— Ок. Утром заскочу и пойдем с тобой заявление, моя дорогая, подадим, — он поднимается с места, подходит и целует меня щеку. — Скоро женой мне будешь... — шепчет в ухо. Меня передергивает.

Глава 13. Алина

Глава 13. Алина

Я не сомкнула глаз всю ночь.
 Марк, похороны, Степан, эта предстоящая свадьба... Меня мотало между прошлым и настоящим, словно я застряла между двумя мирами.

И всё время возвращался один и тот же сон — ужин. Последний ужин в доме семьи Марка.
 Я снова и снова проживала его, будто пленница, которой не дают вырваться.

Гости рассаживаются. Я всё время ищу глазами Марка. Но Королева не отпускает меня от себя, держит рядом, что-то говорит. Ерунду какую-то, про салфетки, приборы, сервиз. Я почти не слышу её.

Всё моё внимание — там, где он. Мой парень. И блондинка рядом с ним.
 С одной стороны от них — Ваня, с другой — отец блондинки.

Они сидят слишком близко. Очень близко.

Она смеётся, щебечет, откидывает волосы назад.

Почему он не говорил о ней ранее?

Она тянется к бокалу — но отец удерживает его.

— Хватит, — нервно шипит он ей, сцепив зубы.

Она бросает вызов: отвечает вздернутым носом и острым взглядом.

А затем, меня лицо на ласковое и приветливое смотрит на Марка.

Но Марк смотрит на меня. Всего лишь миг. Но этот взгляд... я тогда не могла разобрать, что в нем: тоска, грусть... угроза.

И тут же отводит глаза.

Его лицо мрачнеет.

Чернеет. С каждой минутой всё сильнее.

Что с ним? Почему он такой?

Меня охватывает тревога, клоочет ревность.

Королева встаёт. Поднимает бокал.
 — Прошу всех поднять бокалы, — произносит она с сияющей улыбкой. — Сегодня у нас особый день. Один из моих сыновей вернулся домой с дипломом, и я горжусь им безмерно. Марк... ты всегда был моей опорой. Даже когда тебе было всего пять лет, мы строили этот дом вместе с твоим отцом. Ты выходил во двор и следил за рабочими. Я спросила: «Зачем?» — а ты ответил: «Боюсь, они построят неправильно». Тогда я поняла: ты всегда добиваешься правильного результата.

Смех, одобрение, восхищённые взгляды.
 А Марк только коротко кивает, сжимает губы в линию.
 Я не узнаю его.

И вдруг Королева продолжает:
 — Сегодня уместно не только пожелать Марку профессиональных успехов, но и счастья в личной жизни.

У меня перехватывает дыхание. Словно в грудь вонзили копье.

Марк резко выпрямляется.
 — Марк, — её голос мягкий, но властный. — Думаю, это прекрасный момент. Сделать наш вечер ещё радостнее. Объявить...

Она смотрит на меня. На миг. В её глазах — острая, издевательская насмешка.
 А затем — на Марка. На мужчину рядом. На блондинку.
 Что она задумала?

Секунды превращаются в вечность.
 — Марк? — обращается она к нему.

Он сжимает челюсть, молчит.
 И тогда она сама произносит:
 — Я счастлива сообщить... что Светлана и Марк поженятся. И, надеюсь, вскоре я стану бабушкой.

Мир рушится.
 Сердце падает в бокал, бокал выскальзывает и разбивается.
 Стекло звенит, и этот звук разрезает зал. Все поворачиваются ко мне.

Королева смотрит сверху вниз.
 В её взгляде — хищник, наигравшийся с жертвой. Не жалость, не сострадание. Только холодное удовлетворение.
 — А это к счастью, дорогая... — говорит она громко, почти торжественно. — Пусть Марк будет счастлив. Правда?

Она сжимает моё плечо так, что я чувствую ногти.

Ко мне бросается официант, собирает осколки. Я смотрю на алое пятно на платье. Как кровь. Встаю.
 — Простите, — выдавливаю и выбегаю.

За спиной — шум голосов, поздравления. Отец блондинки уже говорит речь.
 А я бегу. Коридор, дверь, веранда. Свежий воздух бьёт в лицо. Сердце колотится так, будто вырвется из груди. Я упираюсь спиной в холодную стену и закрываю глаза.

Что это было? Почему он .. она это сделала?..

Перед глазами все их лица.

Зачем я здесь?..

Я бросаюсь к выходу.

И вдруг — рывок. Из прошлого в настоящее.
 Открываю глаза. Резко. Хватаюсь за грудь, за плечо. Черт... фантомная боль.
 Мой будильник оживает мелодичной музыкой. Пора на тренировку.

 Дорогие друзья! В ближайшее время книга может перейти в формат платной подписки. Благодарю всех вас за понимание и поддержку!

Глава 14. Алина

Глава 14. Алина

Хватаю куртку и бегу.

Так, что аж лёгкие горят.

Бегу от прошлого. От настоящего. Может, даже от будущего.

Минут через двадцать понимаю, что скоро окажусь возле его дома.
 Чёрт.

Почему именно этот маршрут?

Останавливаюсь. Упираюсь руками в колени, тяжело дышу. Смотрю на этот дом, как бык на красную тряпку.

Боль.

Жгучая, горькая, всепоглощающая и несправедливая.

Я ведь тогда ждала его. С объяснениями, с извинениями.

Если бы он просто признался. Честно. Глядя мне в глаза — я, возможно, простила бы.

Но он... Не посчитал нужным объясниться со мной и просто уехал.

А теперь живёт здесь.

И самое ироничное — мой будущий муж делает ему ремонт, чтобы заработать на нашу свадьбу.

Сплёвываю на землю. Обтираю губы ладонью.

Во мне что-то свербит. Надеюсь это презрение к Марку.

Почему они не могут оставить меня и мою жизнь в покое?

Бежать. Снова бежать. Хоть в Китай. Лишь бы не видеть, не помнить.

Но что это изменит?

Разве перестану я вздрагивать от его имени?

Разве сотру из памяти то счастье, которое когда-то было?

Я ведь действительно была счастлива.

А потом — тьма. Серая, вязкая, глухая. И ни одного счастливого дня.

Если бы существовало хоть что-то, что стирает чувства, делает их ровными, бесцветными...

Как пережить этот внутренний пожар? А о есть. Я сразу его узнала, как только его имя прозвучало в нашем доме.

Над головой шум отворяющегося окна.

Я поднимаю голову.
 И вижу его. Твою же... мысленно ругаюсь, что выбрала этот привычный маршрут.

Марк стоит у окна.

— Доброе утро, — говорит спокойно с безмятежным лицом.

Я выпрямляюсь.

Сердито сглатываю. Киваю, делаю вил будто ничего не случилось.

Как же неловко. Какого чёрта я снова остановилась у его дома? Как теперь отделаться от его?

— Может, зайдёшь? — спрашивает он через неловкую паузу.

Я фыркаю.

— А не рано? — оглядываю пустую улицу. Наверное соседи уже прильнули к окнам и подслушивают. Может даже телефоны достали и снимают.

— Ваня уже улетел. Я один. Если тебе не трудно и ты не торопишься...

Вот блин.

Сразу вспоминаю разговор с Иваном и его просьбу — присматривать за Марком. И... уговорить... На сердце становится тяжело.

Как можно бросить человека в инвалидном кресле одного?

Даже если этот человек — Марк.

Ответ — никак. Совесть мне этого не позволит.

— Алина, — зовёт он тихо и с мольбой.

— Да иду я, — бурчу себе под нос.

— Код — двести четыре.

Нажимаю комбинацию, дверь щёлкает.

Захожу.

И всё возвращается.

Каждая деталь, каждый запах, каждый звук.

Дом будто застыл — дорогой деревянный гроб в бархате. Антиквариат, люстры, картины.

Раньше всё это казалось красивым.

А теперь — мёртвым. Ужасно мертвым. Мурашки по коже.

— Я не спущусь вниз, — кричит он сверху.

— Почему? — спрашиваю, не скрывая раздражения.

— Потому что... не могу.

— Это как? — и тут же осекаюсь. Он же не ходит.

Вот же чёрт. Чувство досады вперемешку с виной прожигает изнутри. Неловко.

— А как ты... наверху оказался? — намерено фырчу.

— Меня вчера водитель занёс, — отвечает он. — А сегодня повёз Ивана в аэропорт. Ещё не вернулся. Вернется — спустит. Меня теперь на руках носят.

— Понятно... — выдыхаю.

— А ты сильная?

Поднимаю на него пристальный взгляд.

— Да, но не настолько, чтобы взрослого мужчину на руках носить.

Мы обмениваемся взглядами.

Марк слегка поджимают улыбку. Ему всегда нравилась моя прямолинейность и простота.

Я понимаю, что если ещё так простою, то надо будет к нему подняться.

Но подниматься к нему не хочется, но и уходить — странно. И стоять так — тоже странно.

— Кофе? — вдруг спрашивает он.

— Да, — отвечаю машинально, чтобы нарушить тишину и мою борьбу в голове.

— Тогда иди и готовь.

Я вопросительно поднимаю голову, шурюсь.

— Почему я? — обиженно ахаю.

Он усмехается, смотрит сверху вниз.

— Алина, я бы с радостью приготовил тебе кофе... если бы мог спуститься.

— То есть ты пригласил меня на кофе, но готовить не собирался?

Он делает паузу, брови сдвигаются, секунду думает (*соврет или нет*):

— Да, — тянет с лёгкой усмешкой. — Я думал, ты приготовишь себе и мне. Очень хочется кофе, а водитель ещё не скоро приедет.

— Боже, — вспыхиваю. — Ты ни капельки даже не изменился за эти годы. Только о себе и думаешь... — причитаю, возмущаясь.

Марк улыбается.

Проговаривает:

— Я просто помню, как ты варила кофе. Он у тебя чудесный...

Я опускаю взгляд.

«Он помнит!»

Глупое сердце делает рывок.

Да, мне приятно, что он помнит.
 Даже щемяще приятно.

Но нет, Алина. Не поддавайся.

Ты уже прошла через этот огонь. Не возвращайся в пепел.

Я растерянно кусаю нижнюю губу. Что же мне делать?..

Глава 15. Марк

Глава 15. Марк

— Ну, пока, брат? — Ваня наклоняется, обнимает, слегка похлопывает меня по спине.

— Пока? — усмехаюсь. — Что так грустно? Работать не хочешь? — подшучиваю над младшим, который вдруг стал старшим.

Я знаю, что он справится.

Ваня с виду тихий, мягкий, даже застенчивый. Но внутри — стальной. Правильный мужчина и хороший человек.
Он из тех, кто плывёт по течению, идет ровно, сдержанно и уверенно. И не разбрасывается чувствами. В общем, делает всё, как надо.

В отличие от меня. Все жизнь наперекосяк и вот результат – инвалидное кресло.

Смотрю на брата снизу вверх, на вытянутых руках. Он волнуется. Бывает.

— Я уже достаточно взрослый, — говорит он, и в голосе все же улавливается напряжение.

Подбадриваю его взглядом.

— Знаю, — киваю.

Он мнётся, затем отводит глаза и оглядывает комнату.

— Просто... — делает паузу. — Зачем тебе всё это? Мы же здесь никогда не были счастливы. Ни ты, ни я. Я никогда бы не подумал, что ты захочешь сюда вернуться...

Бьёт точно в точку. Я тоже никогда бы этого не подумал и не пожелал себе. Вернуться в боль своего прошлого. Постыдного прошлого.

Ком в горле.

Сухо сглатываю.

— Так, может, пора исправить, — выдавливаю из себя, отшучиваясь. Нифига не шучу. Пора реально все исправить.

— Тебе не дом ремонтировать надо, а себя, — тихо, с заботой и прямо уговаривает Иван. Некоторое время глядит исподлобья, и мне вдруг стыдно. Стыдно, что младший говорит как взрослый, а я... как капризный ребенок. Немоощный капризный ребенок.

— Вот этим и займусь, — бурчу, толкая его ладонью в плечо. Пусть уже уходит. Душа не на месте. — Иди уже. Водитель ждёт, — настойчиво спроваживаю его.

Ваня кивает, уходит, но у двери вдруг тормозит.
Затем быстрыми шагами возвращается, подходит к окну, резко дёргает за шторы — распахивает их.

Я морщусь.
— Что ты делаешь? — возмущаюсь его действиям. — Мне и так... нормально было.

Он ухмыляется.
— Она скоро побежит. Ты так ее не пропустишь.

— Кто? — сдержанно спрашиваю, хотя прекрасно знаю, о ком речь. Я знаю, что она бежит каждое утро. И да — я боюсь ее сегодня упустить.

— Смотри внимательнее, не пропусти, — поднимает палец вверх и указывает на окно с улыбкой.

Мне немного неловко, что брат знает мои мысли.

— Она же замуж выходит, — произношу хрипло, словно оправдываюсь за свои намерения. Черт знает что со мной.

— Но ещё не вышла, — спокойно отвечает тот.

— Думаешь, простит?

Брат задумчиво поджимает губы, качает головой.

— Не знаю. — пристально смотрит мне в глаза, прямо в душу. — А есть за что прощать?

Я замираю. Щупает глазами все живое и больное.

Слишком быстро, слишком глубоко.
Зачем я так сказал. Он ведь не в курсе — что было. Никто не в курсе, кроме меня и матери.

— Всегда есть за что... и почему, — произношу глухо, отделяюсь от него. — Иди уже. Как приземлишься — напиши.

Ваня кивает.

Уходит.

Я слушаю, как гулко отдаются по лестнице его шаги.

Дом мёртвый. Но громкий.

И как она тут жила?

Эх, мама...

Это всё тебя уничтожало. Но ты прежде – уничтожала нас.

Подкатываю кресло к окну.

Смотрю, как машина медленно отъезжает от ворот.

Ваня опускает тонированное стекло, поднимает вверх палец.

Киваю. «С богом, брат»

И жду.

Сердце бьётся громче, чем тишина в этом доме.
Побежит или нет?... Должна...

Глава 16. Марк

Глава 16. Марк

Я смотрю в окно.

Как последний придурок, мальчика — школьник, ждущий свою первую любовь.

Глаза уже горят, режет от напряжения.

А ее все нет.

Может, сегодня не побежит?

Я никогда так и никого не ждал, как ее.

Все эти шесть лет до отвращения ненавидел себя за тот день. За то, что случилось, и за то, каким монстром я тогда стал.

Резко прикрываю глаза как от сильной вспышки и боли. Мне шесть лет больно. Невыносимо мучительно.

Поворачиваю голову к семейному фото в массивной рамке.

Она на меня смотрит.

— ТЫ же знала, что делаешь, — обращаюсь к ее портрету. К портрету матери.

Ее четкий, властный взгляд сканирует меня, как и тогда.

Все та же ледяная самоуверенность.

— Ты должен жениться на ней.

— Мама, ты что такое говоришь? Кому должен? И зачем?! — Я резко подрываюсь с кресла.

— Семье. — Мать стучит костяшкой указательного пальца по полированному столу. Резкий, как выстрел, звук. — Ты, как старший мужчина, должен спасти нас...

— Мама, — ахаю, чувствуя, как в горле встает ком. — Поверить не могу, что ты такое просишь у меня! Это бред....

— Марк...

— Нет! — Мотаю головой, с трудом сдерживая крик. Чувствую, как голос срывается и дрожит.

— Да.

— Нет. У меня другие планы. Я люблю Алину...

— Я знаю твои планы. И они не подходят мне.

— Зато мне эти планы очень подходят! Я люблю Алину и сделаю... — Я быстро поправляюсь. — Сделал ей предложение.

Достаю из кармана бархатную коробочку. Подношу к ее лицу для убедительности, что мое решение не изменить.

— Вот... Вот мой план на мою жизнь. И ты в него не влезешь!

Мать вся заливается красным. Сжимает челюсти, что я вижу грубые сухие морщины вокруг ее рта.

— Ты не можешь этого сделать! — шипит на меня, и в ее голосе звенит чистый яд. — Ты не можешь нас так позорить и жениться на этой нищей из строительного магазина!

— Не смей! — Рычу, отрезая путь к словам унижения к Алине. Все мои сдержанные манеры летят к черту. — Не смей так о ней говорить! Еще хоть слово, и я уйду из этого дома! Я оставлю вас всех...

Мать замирает.

— Да, я это сделаю... Прямо сегодня. Давно пора.

Мы впираемся друг в друга огненными взглядами.

«Я не сдамся», — говорю я ей всем своим видом, сжимая кулаки до побеления костяшек.

Она чуть отмирает.

Маска злости спадает, открывая что-то новое. Страх? Откуда?

— Маарк, — мягко и мучительно тянет, и этот тон пугает меня больше, чем крик. Я замираю.

Подходит ко мне.

Ее рука дрожит, когда она хватается меня за локоть.

— Сынок... Мы разорены.

— Как?! — Я отшатываюсь.

— Мы банкроты...

— Что ты такое говоришь?! — каждое слово, как глухой удар в голову, в грудь, в живот.

— Этот дом... я заложила, чтобы оплатить твой последний курс в Лондоне. — На ее лице — такое раскаяние, смещение и испуг, что моя злость мгновенно улетучивается. Остается только холод ужаса.

— Что ты сделала?! — ошарашенно шиплю, переспрашивая.

— Мы давно уже тонем в долгах, — отчаянно выдает эта сильная и гордая женщина, запрокидывая голову, будто ищет спасения в потолке.

— Даааввнооооо... — тянет горьким голосом.

— Нееет, — шепчу одними губами.

Она продолжает говорить:

— Твой отец все проиграл. Ни один его проект не «выстрелил». Он создал пирамиду, и все это был... большой мыльный пузырь.

— Мама, что ты говоришь?! — Я не верю своим ушам.

— Да. Он обманывал меня, пускал пыль в глаза, а потом обманул и кинул всех инвесторов. Но умер удачно, — на последнем слове ухмылка. Неприятная. Саркастическая. Злая.

— Мама... — одергиваю ее, прошу беречь память об отце.

— Ага, — горько поджимает губы. — Если бы он тогда не умер, то сел бы. И это был бы лучший вариант. Худший... — Она сжимает виски двумя руками, затем тяжело дышит в ладони, зажмуриваясь хрипит: — худший мне и представить сложно... — Качает головой.

Смотрит на меня.

Я на нее. Мир перевернулся и разбился. Вдребезги.

— Но... у нас есть возможность уйти от всего. От долгов и налоговой. Ты же понимаешь, что мне тоже грозит срок...

Я понимаю. Потеря денег — это только верхушка айсберга. Там дела посильнее и грязнее будут.

— Что ты предлагаешь? — мой голос звучит чужим. — Женись на Лене. Им нужна наша помощь.

— Что? Зачем ей это? — Я недоуменно хмурюсь.

Мать тяжело вздыхает.

Поправляет пояс на платье, собирается с силами.

Оправляется.

— Она совершенно глупая и несчастная одновременно...

Мне хочется рассмеяться в голос.

Глупая — да. А то, что несчастная... я бы поспорил. Столько гулянок, девочек и вечеринок, сколько она устраивала в Лондоне, делало ее очень даже счастливой.

— Она беременна.

— И? Я тут причем...

— Ребенок от женатого человека... — Мама наклоняет голову, намекая, что это лицо нам обоим известно, входящее в наш близкий круг.

— Он не собирается на ней жениться и не хочет скандала.

— Он не хочет брать ответственность за свою грязь и разврат, — выдавливаю я сквозь зубы.

— Марк, мы не можем осуждать никого.

— Ты не можешь. А я... — Я утвердительно качаю головой, все еще ошарашенный новостью. — Могу.

— Ах... Ух... — собирается с мыслями. — Ее отец и этот человек решат все наши финансовые трудности в обмен на услугу: ты сейчас объявишь о помолвке и свадьбе. Потом вы улетите в Лондон. Она родит, ты запишешь ребенка на свое имя. На имя этого ребенка будет открыт счет, которым ты и Лена будете пользоваться.

— Мама! Это уму непостижимо! — Мой крик срывается. Я хватаюсь за волосы, чувствуя, как череп сдавливает от ужаса. — Что ты такое говоришь?! Что ты такое предлагаешь?! Я не могу этого сделать! Я люблю другую...

Глава 17. Марк

Глава 17. Марк

– А вот и кофе, – с улыбкой и подносом, толкая дверь бедром входит Алина.

Ее радость передается мне.

Мой рот непроизвольно растягивается в улыбке.

– Отлично... Мmmm... какой приятный запах... – тяну носом.

Алина прищуривается.

– Не подлизывайтесь, Марк Анатольевич, – морщится. А ей идет.

– Так, куда ставить? – оценивает глазами обстановку. – На стол. Вот сюда, – ставит поднос на большой письменный стол.

И тут же зависаете.

Узнала.

Оборачивается, наклоня голову спрашивает:

– Он же из кабинета твоей мамы?

Слегка прожевывая губы.

– Да. Это мамин стол.

Она на секунду зависает.

– Ага, помню... – неопределенно проговаривает.

При упоминании матери ее улыбка сходит с лица.

Мне тоже становится досадно.

Я подкатываю коляску ближе.

Заглядываю в ее глаза.

Алина как-то странно уводит взгляд.

Затем берет чашку и подает мне.

– Прошу. Зацените.

Я смотрю на нее с улыбкой.

– Я все прекрасно вспомнил по этому замечательному запаху. Это же тебя мама научила варить. Да? Крепкий турецкий.

– Дааа. А ее прабабушка. И это семейный рецепт.

Мы слегка чокаемся чашками. И в комнату проникают лучи солнца. Мое сердце наполняется теплом.

Давно забытым.

Алина усаживается на край стола.

Я делаю еще глоток, не отрывая глаз от нее. Она прекрасна. Еще лучше стала. Сильнее. Взрослее.

– А гадать она умеет? – приходит мне в голову.

– Да, мама смотрит чашки. К ней все наши ходят.

Делаю долгий глоток.

Вкусно.

Смотрю на дно.

– Тогда, пусть она и мне судьбу предскажет. Передашь ей мою?

Алина зависает.

Ее словно что-то сковывает испуг или страх.

Поспешно ставит свою чашку обратно.

– Она тебе что-то предсказала?

Молчит.

Хмурится.

Меня разбирает любопытство. Почему она так резко изменилась?

– Что с тобой? – хватаю ее за руку. – Она что-то плохое нагадала.

Алина испуганно смотрит на мою руку. Одергивает.

Строго прикусывает губы.

Я знаю это.

Значит что-то серьезное.

– Мне пора. Я тут, – суетится, крутится на месте.

Ищет причину, но не может найти.

– Меня Степан ждет дома. Мне пора.

При упоминании ее парня меня немного бросает в холод.

– Ага. И я его сегодня жду. Будем смету смотреть.

Алина натягивает шапку, наматывает шарф.

Еще раз бросает странный взгляд на мою чашку.

– А ты свой не допила, – подшучиваю над ней. Не хочу, чтобы она так уходила.

– Боишься?

– Чего? – фыркает.

– Что я тоже узнаю твою судьбу, – беру ее чашку. Слегка кручу.

– Вот еще, – передергивает плечами. – Мы сами кузнецы своей судьбы.

Она пристально (с вызовом) смотрит на меня.

Я чувствую досаду и горечь нашего прошлого.

– Что выбираем, то есть наше судьба, – бросает слова.

Это слова попадают прямо в цель.

Я отвожу взгляд.

Поджимаю губы.

Делаю глубокий вдох:

– Не все мы можем выбрать свою судьбу, – отвечаю. – Все не так просто в этой жизни...

Алина гордо задирает подбородок:

– А я вот выбрала. И не отступлю... Пока...

Глава 18. Алина

Глава 18. Алина

Р-р-р...

Алина! — рычу сама на себя.

Ну что ты там устроила?

Какая ещё судьба?!...

Все решено!

Ничего ты не решила.

Кроме своего грёбаного Китая.

Быстрее перебираю ногами. Дышу через раз. Щеки начинает колоть.

Чёрт, ну зачем я поддалась на его провокации?

Зачем сварила этот кофе?

Зачем понесла наверх?

Он не заслужил.

Он даже секунды моего времени не заслужил.

Но мне стало его жалко.

И сердце — так сжалось и дрогнуло.

Мямля. Алина — мямля.

Марк — взрослый мужик, который, кстати, бросил тебя. И женился на другой.
 А теперь ты ходишь к нему варить и подавать кофе — инвалиду-колясочнику, которого и жена бросила.

А наверное, не просто так. И было за что бросать.

— Аля! — окликает голос.

Я не сразу останавливаюсь.

— А-ля! — чья-то рука стопорит меня за талию.

Разворачиваюсь.

Степан.

Чёрт.

Он сейчас видел, что я вышла из дома Вересовых?

Блин.

Как неловко.

Неприятно щекочет внутри чувство вины.

— Доброе утро, — радостно тянет меня к себе жених.

— ... привет... — выдыхаю, пытаюсь взять себя в руки и сфокусироваться на нем, а не на подлеце — Марке.

— Уже побегала?

— Ага, — нехотя тянусь к короткому поцелую.

Но глаза сами скользят вверх. К окнам Марка.

Смотрит? Или нет?

Что-то подсказывает — да.

И я резко притягиваю Степана к себе. Целую его так, будто мне воздуха не хватает или это наш последний поцелуй.

Глубоко. Смачно. На показ.

Прямо до жжения в лёгких.

Я так с ним еще никогда не делала.

Отлипаю от его губ и снова смотрю вверх.

Вот так, Марк.

Это моя жизнь.

И это моя судьба.

А не – ты.

— Ого, — Степан довольно и счастливо облизывается. — Соскучилась. Мне это нравится. Я вчера так хотел с тобой... но ты...

— Куда идёшь так рано? — перебиваю. — Работы море? Какой ты у меня трудяжка, – лепечу наигранно, провожу рукой по его волосам, зачесывая их назад.

— К Вересову. Он вчера написал: хочет начать пораньше. Торопится с ремонтом. Я же говорил за ужином. Помнишь?

— А-а-а... — делаю вид, что вспомнила.

А внутри все леденеет от глупой догадки.

А не специально ли Марк меня на кофе позвал? И заставил варить. его
 Может хотел столкнуть меня со Степаном? И как бы я объяснила, что так рано нахожусь в его доме и варю ему кофе?

Может да, а может – нет.

Хотя... он умеет под кожу залезть. Как и его мать.

Вот эта паскудная семейная черта. Они только интригами дышат.

— Ладно, хорошего дня, — улыбаюсь Степану шире, чем надо.

И радуюсь, по-детски, что план Марка, если он вообще был, не сработал.

Я чиста перед Степаном.

У меня с Марком ничего нет и быть не может.

— Знаешь, сколько я на нём заработаю? — Степан сияет.

Он одержим деньгами.

Иногда это пугает.

Хотя сейчас... не знаю.

Может, это даже кстати.

— Сколько? — ахаю, подыгрываю ему.

Но в груди совесть моя ёкает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.